

Мария Шари

ОСТАВШИЕСЯ В ВЕЧНОСТИ

12+

Мария Шари

Оставшиеся в вечности

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Шари М.

Оставшиеся в вечности / М. Шари — «ЛитРес: Самиздат», 2008

Так случилось, что бухарский чайханщик узнает у странных ночных посетителей волнующую историю своего города, о которой не знает никто. Все началось с того, что четыре брата-охотника спасают от рук кочевников юную Сафану. Влюбленные братья приглашают Сафану с матерью в гости в Бухару. Появление красавицы-чужестранки в городе пробуждает в горожанах завистливые низменные инстинкты. Одна из девушек, влюбленная в старшего брата, сговорила с кочевыми разбойниками, чтобы убить Сафану. История на этом бы и закончилась, если бы Сафана не оказалась дочерью джинна из Наклахской долины, и если бы не оказался в городе странствующий таинственный лекарь Гариб, которому пришлось не по душе такое отношение к дочери джинна. Гариб, обладатель древних таинств, знал, что за пределами города находятся врата, ведущие в ад.

© Шари М., 2008

© ЛитРес: Самиздат, 2008

Часть 1 Сафана

Наступающая темнота медленно опускалась на Старый Город, его многочисленные узкие улочки и переулки уже опустели, но здесь, возле хауза, еще горели огни уличных фонарей.

Это был самый большой хауз в Бухаре, который в давние эмирские времена так и называли Большой хауз или Ляби-хауз, что означает «у хауза», был местом отдыха бухарцев. Здесь встречались поэты, чтобы прочесть друг другу свои новые творения; старики на топчанах играли в шахматы или просто вели философские беседы, а летними вечерами возле Ляби-хауза собирался почти весь город. Взрослые и дети с одинаковой радостью ели мороженое и пили из автоматов газированную воду, гуляли, веселились и шумели, отдыхая от дневной жары в прохладе, которую дарили людям воды хауза. Но сегодня чайханщику Джафару было не до веселья. Устав за день от солнца, он сидел на краю топчана, крашенного белой, уже немного рассохшейся от солнца краской. Перед глазами у него стояла трагедия, что произошла сегодня на Ляби-хаузе. Вот сколько раз говорили этим мальчишкам – нельзя нырять в хауз и купаться в нем, думал он, так нет, упрямые, каждый год, как только начинает припекать солнце, они лезут на это старое высокое дерево, что растет у самого берега, и прыгают в воду. И каждый год кто-нибудь да утонет. Джафар немало прожил на свете, но и он не знал, когда и почему появился этот запрет о купании в хаузе. Он не знал почему, нельзя прыгать с деревьев в воду, нельзя пытаться достигнуть дна, но знал лишь одно – если нарушить запрет, будет несчастье.

Джафар так задумался, что и не заметил, как опустела улица, и на город уже опустилась ночная тишина. Не заметил он, как и откуда появились эти таинственные ночные посетители. Услышав негромкий разговор, чайханщик очнулся от раздумий и увидел старика, сидевшего на одном из топчанов. Судя по одежде, он был не бухарец, да и прошел, наверно, немалый путь. Большим клетчатый платком дед устало отер пот с морщинистого лба и спросил у Джафара чайник зеленого чая и две пиалы.

– Уважаемый, почему вы пришли в такое позднее время, у меня уже и самовар остыл.

– Не беспокойтесь, мы посидим немного и уйдем.

– Тогда я вам хоть холодного чаю принесу.

Джафар принес чайник и пиалы, поставил их на маленький столик и вдруг услышал за спиной детский голос.

– Дедушка, а здесь красиво, правда?

Чайханщик обернулся. У самого берега большого хауза, возле склонившегося над водой дерева он увидел девочку лет двенадцати. Девочку необыкновенной красоты.

Джафар готов был поклясться, что ее зеленые глаза светились в темноте, но не как кошачьи, которые только отражают белый свет. Глаза девочки сами излучали слабый зеленоватый свет, от которого у Джафара побежали по спине мурашки. «Сильно, видать, я сегодня понервничал, что уже мерещится всякая чертовщина», – подумал он.

Он остолбенело смотрел на девочку, не в силах ни сказать что-либо, ни пошевелиться, а она, не обращая на него ни малейшего внимания, подошла к старику и весело сказала:

– Дедушка, ну, когда же ты, наконец, расскажешь, зачем мы сюда пришли, я жду, жду, а ты только пыхтишь как паровоз.

Девочка звонко рассмеялась собственной шутке, и словно тысячи серебряных колокольчиков зазвенели разом, звон этот не прекратился даже тогда, когда девочка перестала смеяться, а, перекликаясь как эхо в горах, медленно затих. Джафару вдруг на какой-то миг показалось, что вздрогнули и зашумели листьями огромные вековые деревья возле хауза. Но ветра не было, и чайханщик решил, что ему снова все просто почудилось. Джафар хотел было что-то спросить у посетителя, но, встретив взгляд того, понял, что он здесь лишний.

– Вы меня извините, – сказал чайханщик, – мне домой уж пора. Чайник оставьте на топчане, утром я его заберу.

Он ушел, но тут в нем заговорила обычная человеческая слабость, известная всем как любопытство, и он совершил крайне неблагоприятный поступок. Джафар залез на верхний этаж чайханы и притаился там, решив подслушать, о чем будут говорить таинственные посетители, которые, видно, никуда не торопились уходить.

*****

– Так ты говоришь, красивое здесь место? – спросил старик свою внучку. – А хочешь узнать историю о том, как был построен этот хауз?

Девочка кивнула.

– Давным-давно, больше трех столетий назад правил Бухарой хан Имамкули. Однажды его главный визирь Надир возле ханаки, возведенной пару лет назад по его приказу, решил построить водоем. Однако на месте, которое присмотрел визирь, находился дом одной богатой старой еврейки. Женщина отказалась продать дом. Визирь обратился с просьбой к Имамкули-хану, чтобы тот приказал ей уступить дом. Хан этот вопрос передал на суд муфтиев, мусульманских законоведов, а те вынесли решение, запрещающее отнимать двор силой, потому что все евреи платили налоги в эмирскую казну, и немалые. Визирь был вынужден построить маленький хауз, однако ему посоветовали провести арык рядом с домом еврейки, чтобы вода подточила дом. Тогда хозяйка уступила свой дом, попросив взамен другой, который после своей смерти завещала отдать под синагогу. А визирь Надир завершил постройку водоема, с тех пор и этот самый большой хауз в Бухаре, и ханака, что стоит рядом, носят его имя – Надир-диван-беги.

Девочка слушала, затаив дыхание, да и чайханщик был заинтригован не меньше, с историей Джафар никогда не дружил. А старик продолжал.

– Здесь, в Бухаре, своя история, судьба, свой характер у каждого дома или строения, у самого города, дочка, очень интересная, но сложная судьба. В глубокой древности Бухарой назывался красивейший оазис в долине реки Заравшан, его считали одним из семи чудес света. А самому городу дал начало пророк Иов, в сильную засуху люди попросили его дать им воды, ударил он своим посохом о землю и забил родник, который люди назвали Чашма Айуб – источник Иова, и он действует по сей день. Нет на свете города, который, подобно Бухаре, завоевывали столь бесчисленное множество раз. И грозные эмиры, ханы и шахи, и просто кочевники – все они, хоть и в разные годы, но желали только одного – владеть этим городом и его богатствами. Того же хотели и кочевые казахи, когда в тысяча пятьсот девяносто восьмом году во главе с ханом Тевеккелем они подошли к стенам Бухары. То было время смуты, правитель Бухары Шейбанид Абдалла-хан II умер, его сын был убит, между наследниками началась борьба за престол, за право обладания священным городом, каждый хан сам хотел быть единоличным правителем, но не было уже сильного властелина вроде Амира Темура, который мог бы объединить страну против кочевников. В этой борьбе погибла вся некогда могущественная династия Шейбанидов. Этими раздорами и воспользовался хан Тевеккель, бывший вассал Абдалла-хана. Бухарское войско вышло навстречу многочисленной орде неприятеля, но оно не смогло бы противостоять кочевникам, если бы не мужество и самоотверженность бухарского сотника – юзбаши Юсуфа. Сотник вместе со своими воинами хотел пробиться к шатру Тевеккеля, но был остановлен отборной охраной хана. Поняв, что его сотня не сможет одолеть триста лучших, хорошо вооруженных казахских воинов и добраться до Тевеккеля, который издали спокойно наблюдал за сражением, Юсуф, сам не веря в удачу, пустил стрелу, пронзившую хану правое легкое. К ужасу кочевников, Тевеккель, захрипев, упал, изо рта его хлынула кровь. Лишившись предводителя, казахи растерялись, отступили и, потерпев поражение, с позором

бежали в Ташкент, где от раны, нанесенной ему Юсуфом, и умер их хан. Так, благодаря храбрости отважного сотника, была спасена Бухара.

– А сегодня я расскажу тебе тайну, – сказал старик, – о которой знает только наш род, потому что Великий Создатель стер из памяти людей события, потрясшие этот город много лет назад. И я привел тебя сюда, чтобы познакомить с предками, из-за которых и произошли когда-то эти события. Сегодня особенная ночь, и ты сможешь увидеть своих далеких предков, своих братьев. Ни одному из смертных не дано увидеть их. А начну я издалека...

*****

Давно было готово и успело остыть мясо подстреленного сегодня на охоте горного кийика, а Халил до сих пор не вернулся. Старшие братья, обеспокоенные долгим отсутствием младшего, молча сидели у костра. К еде они так и не притронулись. Отцом этих юношей был известный всей Бухаре юзбаши Юсуф, но дети выросли, не изведав отцовской заботы и любви; сотник погиб в одном из походов будущего правителя Бухары хана Имамкули из рода Джанидов. Случилось это пятнадцать лет тому назад, Халеду в ту пору только исполнилось пять лет, близнецам было по четыре года, а самый младший, Халил, родился уже после смерти отца. Но мать никогда и никому не жаловалась на трудности и сумела вырастить их, сильными, смелыми, статными, настоящими джигитами-красавцами, так что отец, если бы был жив, по праву гордился ими. Старший, Халед, был высоким и худощавым; после смерти отца заботы о семье легли на его плечи, потому и вырос он таким серьезным и рассудительным. Вот только увлечение Халеда никак не вязалось с его характером – он любил птиц. Огромную детскую радость доставляла ему забава – разводить голубей, которых он держал на крыше дома. Когда он видел взлетающих ввысь птиц, то радовался, словно мальчишка.

Двое средних братьев, близнецы Хасан и Хусейн, плотные крепыши, ростом чуть пониже старшего, известные в Бухаре борцы кураша. А младший брат, хоть и было ему всего пятнадцать, меткостью стрельбы своей изумлял всех бухарцев. И однажды, благодаря своей меткости, выиграл коня. Случилось это так...

*****

У Мирзы-Салим-бая родился сын – эта весть облетела Бухару в считанные часы. Радости бая не было предела, аллах все не посылал ему сына, рождались только дочери, уже четыре черноглазые красавицы бегали в ичкари, но что баю до их красоты, ему нужен был наследник. И вот, наконец, аллах услышал его молитвы, смилостивился и подарил ему сына. В честь этого долгожданного события, обрадованный отец решил задать огромный той. Новость эта поразила людей, ведь о жадности бая все знали не меньше, чем о его богатстве. Но скупой бай на этот раз не пожалел денег. Праздновали три дня и три ночи, всех именитых и уважаемых людей города пригласил бай на той, и даже для простого люда на улицах в огромных казанах готовили ароматный плов. Несчетное число подарков и сладостей в красивых шелковых мешках приготовил бай своим именитым гостям, а беднякам всего гузара раздал бай по серебряной танге, но не радовался неимуший люд, принимая подарок – не к добру эта щедрость жадного бая – говорили они. Самые знаменитые палваны съехались померяться силами в любимой народом борьбе кураш, лучшие музыканты – карнайчи и сурнайчи – услаждали слух гостей приятными мелодиями, сильнейшие джигиты показывали удаль и сноровку на копкари. А на третий день, последний день пира приготовил бай необычное развлечение. Он снял с пальца золотой перстень и, повесив его на дерево, сказал:

– Кто попадет стрелой в это кольцо, получит в дар породистого жеребенка от арабского скакуна из моей конюшни.

Слуги вывели из стойла вороного жеребенка, хотя он был еще очень мал, но порода уже угадывалась в нем. Народ ахнул – такой стоил тысячи динаров. Но Мирза-Салим-бай про себя

хитро посмеивался, он был уверен, что не найдется такой удалец, который бы смог поразить столь малую цель со ста шагов. Желających выиграть жеребенка выискалось немало, всем хотелось завладеть великолепным скакуном, каким в будущем станет этот жеребенок. Каждому джигиту давалось три попытки. Толпа собравшегося народа громкими криками поддерживала стрелков, а потом забрасывала неудачников насмешками. Подходили новые претенденты, но никому не улыбнулась удача. Кольцо по-прежнему висело непораженным. Страсти кипели, а бай в душе радовался – развлечение вышло на славу! И когда уже не осталось стрелков, желающих выиграть ценный приз, и зрители разочарованно собирались разойтись, из толпы вышел стройный мальчик в нарядном чекмене и сапожках.

– Да это же Халил! – узнали его жители.

Бай, как и все собравшиеся вокруг жители гузара, знал, что хорошо, очень хорошо стрелял юноша, но попасть с такого расстояния в едва видную цель вряд ли будет ему по силам. Мирза-Салим-бай улыбнулся и снисходительно посмотрел на Халила – что ж, пусть и этот развлечет толпу. Мальчик неторопливо снял с плеча лук, достал из кожаного колчана за спиной согдийскую стрелу и натянул тетиву. Люди затаили дыхание, хотя и сомневались в успехе меткого, но все-таки молодого еще стрелка. В наступившей вмиг полной тишине стрела прошла сквозь кольцо и впиалась в дерево. Разорванный пополам дорогой перстень, покачивавшись немного на стреле, упал на землю под восторженный рев толпы. Бай побагровел от злости, но, изобразив на лице радостную улыбку, приказал слугам подвести жеребенка к победителю, но с того времени затаил на юнца злобу.

Халил назвал жеребенка Куюном, что означает «вихрь», и сам за ним ухаживал, а тот отвечал хозяину взаимностью. Да и не хозяином был ему Халил, а другом. Конь, действительно, вырос статным красавцем, и многие люди предлагали Халилу за жеребца хорошие деньги, и даже сам Мирза-Салим-бай, несмотря на свою скупость, просил продать коня за пять тысяч динаров. Но разве можно продать друга? Этого братья-джигиты не понимали и не хотели понимать.

*****

Братья почти не помнили своего отца, но все равно считали себя сыновьями воина, и потому заниматься крестьянской работой было им не к лицу, но и к войне душа у них не лежала – грабить и убивать других людей благородные юноши не могли. Вот и добывали на жизнь себе и матери охотой. А охотниками они были хорошими, добычи с избытком хватало не только им, но и всем соседям. Братья раздавали мясо совершенно бескорыстно всем нуждающимся, следуя заветам Мухаммеда и законам собственного сердца. На охоте они часто пропадали целыми неделями, но на этот раз в азарте погони забрались так далеко от дома, что вместо привычных пустынных равнин их окружали скалистые горы. В этих местах юноши были впервые. Выехав в долину, широко раскинувшуюся у самого подножия гор, братья решили устроить привал, а назад возвращаться уже поутру. Пока старшие занимались приготовлениями к ужину, младшему не сиделось на месте. Он вскочил на своего верного коня и отправился погулять, будто не проехал он до этого такое огромное расстояние.

И вот прошло уже несколько часов, а Халил все не появлялся. Не выдержав больше полного неясной тревоги ожидания, братья стали седлать коней.

Но в этот момент в долину из-за горы вылетел всадник. Конь, вытянув шею, летел точно выпущенная из тугого лука стрела, стройные сильные ноги, казалось, совсем не касались земли, и если не клубившаяся следом пыль, можно было подумать, что красавец-жеребец летит по воздуху. Припав к шее коня, почти слившись с ним в одно целое, в седле сидел Халил. Братья так и замерли в тревоге возле своих скакунов, вглядываясь, что же заставило их младшего брата так мчаться. Тут из-за пыльной завесы показались два десятка несущихся в погоне

вооруженных людей, и уже можно было разглядеть преследующих мальчика воинов, черные халаты и мохнатые шапки выдавали кочевников.

Волнение на лицах братьев сменилось яростью; в одно мгновение они вскочили на коней и, выхватив из ножен сабли, ринулись на помощь брату. Поравнявшись с Халилом, братья осадили коней и приготовились к схватке, а Халил, резко развернув своего скакуна, выхватил лук, быстро вставил в него стрелу и, натянув тетиву, направил его в сторону преследователей. Мальчику еще никогда не приходилось применять свое оружие против людей, но решимость на его лице показывала, что стрелять он будет без колебаний. Кочевники, хоть и в большинстве, не отважились помериться с ними силами, резко повернув коней, они поскакали прочь, и только удалившись на безопасное расстояние, один из них, по-видимому, старший остановился и крикнул:

– Вы украли добычу, предназначенную самому Кара-Осман-беку, он вам этого никогда не простит.

И прищпорив коня, помчался догонять остальных.

Удивленные, ничего не понимающие юноши повернулись к младшему брату и только сейчас увидели девочку, завернутую в покрывало и переброшенную поперек коня впереди Халила. Старший брат нахмурился и строго сказал:

– Ты понимаешь, что ты наделал? Ты украл чужую добычу, да еще у Кара-Осман-бека, теперь мы стали его кровными врагами. За твой необдуманный поступок придется расплачиваться нам всем. Зачем тебе эта девочка, что нам с ней делать?

Младший брат, не обращая внимания на слова Халеда, стянул девочку на землю и молча принялся разворачивать покрывало.

– Почему ты не отвечаешь на мой вопрос? – продолжал строго отчитывать старший брат. – Кроме того...э-э... Он запнулся, пораженный красотой девочки, и, уже забыв, о чем говорил, закончил совершенно неожиданно: – Молодец, Халил.

– Так вы его ругаете или хвалите, что-то я не пойму? – спросила девочка, поправляя волосы, и весело рассмеялась, сверкнув зелеными глазами.

Все четверо братьев, потеряв дар речи, замерли в изумлении от ее красоты и необычного смеха, им показалось, что вся долина ожила и, переливаясь, зазвенела колокольчиками, и цветы, травы, деревья, даже камни у ручья подхватили этот волшебный перезвон, веселясь и передавая его друг другу по всей долине.

Девочка в простеньком, выгоревшем на солнце ситцевом платье сидела на земле и с интересом оглядывалась. Она была настоящей красавицей, юная, тонкая, нежное лицо, казалось, само излучало свет. Братья влюбились в нее сразу же, но что делать и как себя вести с этим прекрасным, но таким необычным и непривычным для них созданием, они не знали. Но девочка, ничуть не смущаясь, сказала, подавляя в себе смех.

– Храбрые воины, если вы и дальше будете стоять так неподвижно, то превратитесь в деревья, кто же тогда будет меня защищать от врагов? – Кинув взгляд на нетронутую еду, добавила: – Не лучше ли заняться обедом?

Она быстро, но без излишней суетливости, а как-то по-деловому занялась приготовлениями к еде, и через некоторое время пригласила братьев к накрытому дастархану. Юноши сели; они смотрели на девочку, не притрагиваясь к еде.

– И никакая я не добыча, – сделав на мгновение серьезное лицо, сказала между тем девочка. – Им повезло, что Митти не было рядом, уже неделю как он запропастился куда-то с двумя своими друзьями, а то бы он показал им, как людей обижать.

– Неужели Митти такой силач, что один может справиться с двадцатью нукерами? – преодолев смущение, спросил удивленно Хусейн.

– Он и тысячу легко одолеет, такая у него сила. Видите камень, – сказала она, показав на лежавший неподалеку валун огромных размеров. – Митти его вон с той скалы кинул, но,

вообще-то, он добрый, всегда меня на себе катает, если попрошу, только так быстро, у меня аж дух захватывает, – щебетала девочка. – Митти любит пошалить, то камни с горы бросает, то пещеры зачем-то роет, то путников по ночам пугает, а потом хохочет. Мама говорит, ну что с него взять, молодой еще.

– А сколько же лет этому молодому палвану? – спросил Хасан, все еще удивленно разглядывая каменную глыбу.

– Мы с ним в один день родились, – с некоторой гордостью сообщила девочка, – только он на сто девяносто лет меня старше. Вот и выходит, что мне сейчас десять лет, а ему только двести.

– Так этот Митти глубокий старик? – в один голос спросили братья, ничего еще не понимая из рассказа девочки.

– Какой же он старик в двести лет? – рассмеялась она, вновь рассыпав по долине звон тысячи колокольчиков. – Вот был бы он старше, так бы себя не вел, не озорничал, а спал бы себе в своей пещере да благоустраивал ее украшениями разными. Они все это любят, чего только не таскают в свои пещеры. И хвалятся потом друг перед другом из какого моря достали, из какой пещеры выкопали, одним словом, его друзья такие же дети, как и Митти.

Юная красавица, появившаяся в жизни юношей несколько мгновений назад, вела себя свободно и непринужденно, словно знала их тысячу лет. Видно, понравились ей эти джигиты, отбившие ее от диких кочевников. Братья вновь молчали и пытались понять, что же произошло. Казалось, все так же журчит рядом горный ручей, фыркают еще не расседланные кони, шумят густой листвой деревья, течение жизни бежит по тому же руслу, но что-то все же изменилось, мир вокруг стал другим, и они сами, юноши почувствовали это, тоже стали другими. И изменила их эта маленькая девочка, без которой они уже не могли жить и, защищая ее, без колебания отдали бы свои жизни.

В будущем на вопросы старших братьев, как он отбил у кочевников Сафану (именно так звали девочку), Халил только загадочно улыбался. Это так и осталось тайной.

Когда с едой было покончено, девочка попросила братьев отвезти ее домой.

– А где ты живешь? – снова в один голос воскликнули юноши.

– Не так далеко отсюда.

– Мы отвезем тебя!

Братья, конечно же, не поверили девочке и решили не оставлять ее в опасности и доставить ее домой. Они сели на коней, а Сафану Халил посадил впереди себя на своего Кююна.

Они поднимались все выше и выше в горы. Узкая тропинка вилась среди скал и утесов, копыта коней то и дело скользили по каменистому гравию, лошади всхрапывали и, вытянув шеи, осторожно ставили ноги. Откуда-то снизу доносился глухой шум речного потока. Девочка, казалось, не замечала ничего. Она продолжала радостно щебетать и уверенно показывать дорогу, очевидно, ориентируясь по каким-то, ей одной известной, приметам, потому что братья, хоть и были охотниками, давно бы заблудились в этой незнакомой скалистой местности. И вот, наконец, кони почти уперлись в домик, целиком сложенный из огромных камней, среди которых кое-где пробивалась зелень. У входа в дом их встретила молодая женщина, как две капли воды похожая на Сафану и тоже очень красивая. Джигиты сначала приняли ее за старшую сестру девочки, уж больно молода была, но Сафана словно услышала их мысли.

– Это моя мама, ее зовут Зулала – «чистая, прозрачная вода» означает ее имя, – сказала она, слезла с коня и подбежала к матери, по встревоженному лицу которой можно было понять ее обеспокоенность долгим отсутствием дочери. Выслушав взволнованный рассказ Сафаны о том, как братья спасли ее, мать с теплотой взглянула на них и произнесла:

– Спасибо вам за мою дочь. Проходите в дом, храбрые джигиты, будьте нашими гостями.

Сафана открыла незаметную до того дверь, пригласила братьев войти, и первая весело вбежала в дом. Спешившись и привязав у растущего рядом дерева коней, юноши вошли следом за ней и ее матерью.

Гостевая комната в домике была простой, без пышного убранства, на стенах висели сюзаны, пол застелен войлочными ковриками, по углам комнаты лежали курпачи, где братья и сели, скрестив по обычаю ноги. Сафана расстелила дастархан, принесла чай и сладости.

– Судя по одежде, вы из Бухары? – спросила Зулала у братьев и, получив утвердительный ответ, сказала с некоторой грустью в голосе: – Я ведь тоже родилась в Бухаре, в этом прекрасном городе прошло мое детство, но однажды, во время нашествия кочевников, моим родителям пришлось бежать из города. Но и на дорогах в то время было беспокойно.

Мать Сафаны рассказала юношам, что родителей ее в пути убили воины из разбойничьего племени, а ей удалось бежать в горы и спрятаться в одной из пещер. Там ее и заметил джинн, путешествующий по миру вместе с сыном. Прельстившись красотой девушки, джинн захватывающими рассказами о дальних странах и похвалами расположил ее сердце и обольстил, а когда через тридцать дней у них родилась дочь, которую он дал имя Сафаной, что означает «жемчужина», он улетел и оставил своего сына защищать их и снабжать едой.

– А где сейчас отец Сафаны? – спросил старший брат. – Мы хотели пригласить вас погостить у нас в благословенной Бухаре и спросить на это у него разрешения.

– Вот уже три года, как он умер, – ответила женщина, и братья с удивлением узнали, что было ему больше тысячи лет, и звали его Исхан и участвовал он в Бедерской битве, придя на помощь пророку вместе с остальными джинами.

– Вот мы и живем с тех пор втроем: я, Сафана и ее брат Митти – Малыш, так его Сафана называет – закончила Зулала свою историю. – Митти старше Сафаны, но и он еще молод. Сафана не зря его так назвала, ветер у него еще в голове гуляет.

– Я и мои братья тоже слышали о Митти от вашей дочери...

Старший брат не успел договорить, как вдруг тревожно заржали привязанные снаружи кони, юноши выбежали из дома, вокруг никого не было видно, но кони рвались с привязи, вставали на дыбы. С неба спустился огромный джинн и грозно спросил:

– Что за незваные гости к нам пожаловали? Сейчас я превращу вас в пыль!

Он расхохотался, да так громко, что затряслись горы и посыпались вниз камни. Сафана, выйдя из дома, воскликнула:

– Где же ты пропадал так долго?

Братья с удивлением увидели, что маленькая девочка совсем не испугалась страшного великана и даже разговаривала с ним на равных; конечно, юноши тоже были не робкого десятка, но при виде этого исполина им было как-то не по себе, хотя если бы джинн попытался обидеть девочку, они, не раздумывая, бросились на ее защиту, но джинн, по всей видимости, и не собирался ее обижать, а наоборот, весело хохотал. И братья догадались, что это и есть Митти. Сафана подняла голову и с укоризной сказала:

– Вот ты все шутишь, а меня чуть не украли сегодня, хорошо, джигиты отбили, спасли меня.

Джинн сразу стал серьезным и, превратившись в человека, вошел в доме. Перед братьями предстал высокий юноша лет шестнадцати. Большие зеленые глаза приветливо смотрели на юношей, но в этих глазах, несмотря на всю серьезность положения, прыгали задорные искорки веселости, а губы то и дело норовили расплыться в улыбке. Мать Сафаны, видя, что Митти вот-вот прыснет от смеха, сказала, неодобрительно качая головой:

– Ну что с ним поделаешь? Молодой еще, все бы только повеселиться. Так и до беды недалеко.

– Так беда миновала, чего ж дальше печалиться!

Женщина только рукой махнула, а Халед тем временем, придя в себя, решил закончить прерванную мысль.

– Брат, позвольте пригласить вас к себе в гости в Бухару. Красота нашего города стоит того, чтобы ее видеть и восхищаться, ведь недаром говорят, что человек, хоть раз увидевший Бухару, не забудет ее вовеки.

– Да, это верно, – согласилась Зулала, – и, кроме того, мне хотелось бы навестить родные места, да и Сафана нужно своими глазами увидеть город, в котором я родилась и провела детство. Я думаю, съездить в Бухару вместе с этими храбрыми юношами. С ними нам ничто не грозит.

Митти помолчал немного, раздумывая, потом внимательно посмотрел на братьев, и ему, видно, тоже по нраву пришлись юноши.

– Ну что ж, – одобрительно кивнул он, – я не буду против, если джигиты возьмут на себя обязанность вас охранять и оберегать.

Братья в знак согласия склонили головы.

*****

Любой дороге когда-нибудь приходит конец, еще один переход, и братья будут дома. Вот уже в предзвездной туманной дымке виден величественный минарет Калян, а следом сверкающие в лучах восходящего солнца голубые купола медресе Мири-Араб. Как говорят в народе, видящему Мекку, легче идти к ней.

Вот и Бухара! Братья и их гости въехали в город через Каршинские ворота, проехали через знаменитый бухарский базар, в шумных рядах которого, возле многочисленных лавок торговцев халвой, пряностями, чаем, тканями и дуконами ремесленников, уже начался торг, миновали торговый пассаж и въехали, наконец, в гузар, где недалеко от Большого хауза находился их дом.

Дом у юношей был простой, во двореке росло раскидистое тутовое дерево, весной оно давало чудесные, истекающие сладким соком плоды. Мать юношей встретила гостей как родных, хотя и видела, что не по обычаю привели братья в дом девушку, и к тому же Сафана, и ее мать не носили паранджу. Потекла счастливая, полная радостей жизнь. Все, что ни делала Сафана, вызывало у юношей невероятное веселье, они любили эту девочку, непохожую на других своей искренностью и чистой, как горный родник, душой. Счастливое время всегда пролетает незаметно, и вот съестные припасы подошли к концу, юноши стали собираться на охоту, решив узнать вначале у Сафаны, кому же из них отдаст она свое сердце. Засмеялась девочка на их вопрос и сказала, что давно уже выбрала одного из них, но скажет им об этом, когда они вернутся с охоты. Братья обещали вернуться как можно скорее, но мать Сафаны вдруг произнесла, нахмурившись:

– Что-то сердце у меня недоброе предчувствует.

– Не волнуйтесь, – успокаивал ее старший брат, – с нами все будет в порядке, а уж вас тем более никто не обидит. Кругом соседи наши, хорошие люди, нас уважают и вас не дадут в обиду, в случае опасности они всегда придут на помощь.

Так говорил Халед, и точно так думали остальные братья, но они и не заметили, что черная туча зависти давно накрыла Бухару, что все соседи, улыбаясь в глаза и уважительно кланяясь при встрече, за спиной злословили. Причиной этому была Сафана, слух о ее неземной красоте давно облетел весь город.

Счастье, поселившееся в доме братьев, не давало покоя жителям; чем больше радости и веселого смеха доносилось из-за дувала дома сыновей Юсуфа-сотника, тем сильнее людей охватывала злобная зависть. Женщины подобно змеям шипели, что Сафана и ее мать ходят без покрывала, и Сафана, дитя греха и порока, рождена вне брака; а мужчины, которым приходилось видеть Сафану, втайне желая владеть ею, говорили – такая красота не может быть

человеческой, о, аллах, воистину эта девочка – порождение дьявола, и послана она в город для искушения правоверных мусульман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.